

Чжан Сяоху, наконец, испытал из первых рук, какая извращенная память его младшего брата.

Чжан Сяоху медленно выполнял шестую позицию вперед в течение трех циклов, но всякий раз, когда он спрашивал Чжана Сяохуа, последний говорил, что он ничего не может вспомнить, Чжан Сяоху беспомощно начал четвертый цикл.

Как только он собирался войти в открытую позицию, Чжан Сяохуа остановил его и сказал: «Старший брат, не начинай. Позвольте мне попробовать, пока вы смотрите».

Следовательно, по указанию Чжана Сяоху, Чжан Сяохуа сумел выполнить что-то вроде подобия шестой позиции от начала до конца. Чжан Сяохуа не очень-то чувствовал, но Чжан Сяоху обильно вспотел, когда они делали это, как будто это было в десять раз более утомительно, чем он делал свою позицию.

Ли Цзиньфэн, стоявший в стороне, был в замешательстве, он хорошо знал склонность Чжана Сяохуа к учебе, и именно его извращенная память позволила последнему запомнить «объяснение слов» за такой короткий период, так почему получается так, когда дело доходит до изучения боевых искусств?

Это было действительно странно.

Дело в том, что Ли Цзиньфэн очень рассердился, когда Чжан Сяоху спросил Чжана Сяохуа во время отдыха, удалось ли ему запомнить позицию? Или ему нужен был его брат, чтобы продемонстрировать это во второй раз? Чжан Сяоху спрашивал голосом, полным беспокойства.

Однако Чжан Сяохуа покачал головой и сказал: «Все в порядке, старший брат, мне нужно всего лишь выполнить всю позицию».

Ли Цзиньфэн также спросил в беспокойстве: «Сяохуа, лучше попрактиковаться еще несколько раз. Ваш старший брат не может приходить так часто, поэтому, если вы все еще захотите узнать это боевое искусство после его ухода, вы, возможно, больше не сможете повторить».

Чжан Сяохуа морщил брови и сказал: «Лучше нет, я уже все узнал».

Чжан Сяоху предположил, что его брат боялся беспокоить его, поэтому он улыбнулся и сказал: «Сяохуа, это прекрасно, старший брат не устал. Пойдем, я сделаю это еще раз для тебя».

Закончив свое предложение, он медленно повторил свою позицию, объясняя детали, которые он лично изучил, например, в какое время или в каком направлении и так далее. Чжан Сяохуа не имел другого выбора, кроме как кивнуть головой, когда он тайно подумал: «Старший брат действительно изучил это на высоком уровне».

Однако его выражение не показало, что он понял, и Ли Цзиньфэн, который следил за ними, постоянно качал головой со своей стороны.

После того, как Чжан Сяоху закончил свою демонстрацию и сохранил свою позицию, он встал сбоку и сказал Чжану Сяохуу: «Сяохуа, почему бы вам не попробовать еще раз и показать это мне, чтобы я снова мог дать вам несколько указаний».

Чжан Сяохуа тотчас же помахал обеими руками и сказал: «Это действительно хорошо, старший брат. Вы также знаете, что я уже узнал об этом, и я могу вспомнить все, что вы

сказали ранее».

Чжан Сяоху был еще более убежден, и он сказал: «Поспешите и исполните его, позвольте мне посмотреть, действительно ли вы это узнали или нет».

Даже до этого момента Чжан Сяоху до сих пор не был полностью уверен в том, что ему сказал Чжан Сяохуа.

Независимо от того, не удалось ли научиться кулачному боевому искусству до конца, возможно, его инструктор не показал себя как можно лучше, но теперь, когда он был готов подробно объяснить и рассказал, что Ли Цзиньфэн сказал о способности Чжана Сяохуа, почему Чжан Сяохуа еще не был в состоянии учиться правильно?

К сожалению, правда глубоко проникла в его уверенность.

Не сумев победить Чжана Сяоху в войне слов, Чжан Сяохуа не имел другого выбора, кроме как принять открытую позицию и медленно продемонстрировать шестую позицию кулака. То, что заставило глаза двух мужчин выскочить, было то, что Чжан Сяохуа забыл обо всем остальном после шестой позиции и под напоминанием Чжана Сяоху, он продолжал исполнять еще десять позиций, где он снова остановился, и снова с напоминанием Чжана Сяоху на пятый-шестой раз по всей производительности, Чжан Сяохуа сумел полностью отобразить боевое единоборство.

Глядя на невинное выражение Чжана Сяохуа, Чжан Сяоху спросил беспомощным голосом: «Сяохуа, это нормально, что происходит, когда вы учитесь боевым искусствам?»

Увидев уверенный кивок Чжана Сяохуа, Чжан Сяоху похлопал его по плечам и сказал: «Тебе было трудно, Сяохуа».

Ли Цзиньфэн наклонился и спросил: «Сяохуа, я все еще чувствую, что это странно, эти последовательности движений не так сложны и хотя я еще не изучал боевые искусства раньше, только основываясь на моей памяти от двух из вас, практикующих его сейчас, я уже могу выполнить немало позиций».

Закончив свой приговор, ученый Ли Цзиньфэн закатал свои длинные рукава и стал демонстрировать десять очков за позицию.

Затем он сказал Чжану Сяохуу: «Послушай, я могу запомнить десяток позиций даже по моим способностям, так как ты можешь запомнить только шесть позиций? Это действительно странно».

Чжан Сяохуа почесал голову и сказал: «Старший брат Ли, я не уверен, что буду честным. Мои предыдущие попытки изучать боевые искусства всегда были такими, и я бы забыл многое из каждого кулачного боевого искусства».

Ли Цзиньфэн сказал, как будто он увидел самую странную вещь в мире: «Это действительно невысказано, вы даже можете запомнить «объяснение слов», так почему вы не можете даже запомнить эти боевые позиции?»

Чжан Сяохуа с любопытством спросил: «Старший брат Ли, что в этом такого странного? «Объяснение слов» - это только учебник для маленьких детей, тогда как изучение боевых искусств - это то, что очень сложно для ума, поэтому вы не можете просто сравнивать их так».

Ли Цзиньфэн горько улыбнулся, но ничего не сказал в ответ.

В этот момент Чжан Сяоху продолжал говорить: «А как насчет руководств на эскорт-станции? Они тоже были словами, так ты их помнил?»

Чжан Сяоху сказал: «Я это хорошо помню».

Чжан Сяоху хлопнул себя по лбу и сказал: «Этого не может сделать, я возьму шестое рукопашное боевое искусство и верну его вам завтра».

Чжан Сяохуа улыбнулся и сказал: «Все в порядке, старший брат, эти кулачные боевые искусства, которые я запомнил за последние несколько месяцев, были забыты после того, как я их практиковал».

«Ах ...», - Чжан Сяоху и Ли Цзиньфэн застыли.

Чжан Сяохуа продолжил: «Неважно, изучаю ли я его из руководства или от кого-то еще, до тех пор, пока я его практиковал, я бы забыл до половины всего, но те, что я не забыл, навсегда сохранятся в моей памяти. Что касается того, насколько я помню, это будет известно на следующий день, когда я это выясню».

«Хо ...», - Ли Цзиньфэн заорал, глядя на Чжана Сяоху с уважительным взглядом, и произнес он заикающимся тоном: «Может быть, это легендарный «только снимок на поверхности»?!»

Только больше слушая объяснение Чжана Сяохуа и вспоминая ситуацию с ним, Чжан Сяоху полностью понял слова своего младшего брата, но он мог только беспомощно развести руки. Как и то, что сказал его младший брат, у каждого был свой собственный путь, который был подходящим для себя, и другие люди не могут сильно помочь в их прогрессе.

Обед был с Хэом Тяньшуом, и остальными в столовой, Чжан Сяоху и Ли Цзиньфэн были полны похвалы, когда они ели еду. Однако, пока они ели, Ли Цзиньфэн часто обращал свой взгляд на Чжана Сяохуа, заставляя последнего озадачиваться, ученый, как правило, было так вежлив, что привело к тому, что он потерял сегодня свое отношение?

Однако Ли Цзиньфэн быстро объяснила все позже Чжану Сяохуу еще до того, как смог разобраться сам.

На обратном пути в свою комнату Ли Цзиньфэн скрытно вытащил Чжана Сяохуа в сторону и прошептал: «Сяохуа, почему мы не видели леди Цю Тун во время обеда только сейчас?»

Затем Чжан Сяохуа понял, что этот ученый не приехал к горной вилле только для него.

Он радостно улыбнулся и сказал: «Она прямо в этом углу, вы ее не заметили?»

Ли Цзиньфэн тут же обернулся и оглянулся на столовую издалека, он сказал озадаченным тоном: «Почему я ее не видел? Странно, я уже сейчас обыскал всю столовую».

Внезапно он, казалось, что-то понял и сказал: «В столовой было всего три стола, какой угол будет. Сяохуа, ты шутишь со мной?»

Чжан Сяохуа засмеялся и сказал: «Кажется, что старший брат Ли все еще слабо стоит на каблуках, ха-ха. Старшая сестра Цю Тун, вероятно, ест вместе с мастером виллы в другое время и, возможно, в другом месте. Я не уверен в деталях, но, насколько я знаю, я никогда раньше не видел старшую сестру Цю Тун, когда ел в этой столовой».

Увидев потерянное выражение на лице Ли Цзиньфэна, Чжан Сяохуа сказал: «Тем не менее, я вспомнил, как встречал старшую сестру Цю Тун на этом пути, возвращаясь обратно в мою комнату после еды».

Услышав его слова, глаза Ли Цзиньфэна мгновенно оживились, и он повернул голову, сделав шаг в надежде обнаружить человека, которого он искал, но, к сожалению, он не заметил ее фигуру к тому времени, когда добрался до маленького двора.

Даже когда он сидел на стуле в комнате, Ли Цзиньфэн думал о Цю Тун и размышлял, должен ли он попросить Чжана Сяохуа помочь ему найти ее. Однако он также знал, что Чжан Сяохуа имел низкий статус в горной вилле, которому не разрешалось бродить по всей вилле, так как бы ее можно было найти? Более того, Чжан Сяохуа сказал, что он давно не видел Цю Тун, поэтому он смягчил его желание. Тем не менее, его глаза все еще блуждали, чтобы смотреть в окно, как будто он ожидал увидеть что-то.

К сожалению, небеса не двигаются по воле одного человека, и весь день шел сильный дождь. Пока были люди, которые проходили мимо комнаты, ни один из них не имел женской фигуры.

Увидев, что день заканчивается, Чжан Сяоху и Ли Цзиньфэн неохотно встали, Чжан Сяоху, естественно, не желал расставаться со своим младшим братом, когда он взял его за руку и напомнил ему об этом и о чем-то еще, но в чем причина того, что Лин Цзиньфэн тоже не хочет уходить?

Безопасность в горной вилле Хуанси была очень строгой, Чжан Сяоху и Ли Цзиньфэн должны были носить личные жетоны и были сопровождаемы охранниками, когда они перешли на место Чжана Сяохуа, поэтому их, естественно, нужно было сопровождать обратно, когда они ушли. Трое мужчин вышли из комнаты, Чжан Сяоху и Ли Цзиньфэн

попросили Хэа Тяньшу прощаться, когда они прошли мимо комнаты последнего. Чжан Сяоху просил Хэа Тяньшу, чтобы тот ухаживал за его младшим братом на следующие дни вперед, и Хэа Тяньшу хладнокровно согласился, и, обменявшись некоторыми любезностями, трое покинули двор.

От двора до задней двери было некоторое расстояние, и путь был выровнен лазурными камнями, поэтому он не был грязным. Компания из трех человек болтала, когда они шли, и Ли Цзиньфэн не мог не спросить, как он увидел поля, мимо которых они проходили: «Сяохуа, какие поля это? Некоторые из них - для выращивания сельскохозяйственных культур, я могу их распознать, но как насчет остальных? Казалось, что это трава, может быть, какой-то овощ?»

Чжан Сяоху задумался и через некоторое время решил, что лучше не говорить, поэтому он остановил последнего от вопроса: «У старшего брата Ли, у нашей горной виллы есть правила, и многие вещи не могут быть переданы посторонним, поэтому вы не должны спрашивать о них».

Однако, подумав, он сказал: «Если у вас есть книги о выращивании трав на вашей стороне, можете ли вы одолжить мне кое-что, чтобы читать?»

Когда Ли Цзиньфэн услышал его ответ, углы его рта повернулись вверх.

Когда они проехали оставшееся расстояние, небо потемнело и мрачно, и более поздний дождь, наконец, остановился. Звуки лягушек и насекомых можно было услышать на обочине дороги, возможно, чтобы приветствовать чистый воздух после дождя.

Окружающие пейзажи сразу заставили двух братьев вспомнить о селе Го, а Чжан Сяоху сказал:

«Сяохуа, вы скучаете по дому, выйдя сюда так надолго?»

Чжан Сяохуа ответил явно: «Я, конечно, знаю. Тем не менее, я еще не сделал ничего, о чем стоит упомянуть, поэтому я не хочу говорить ничего лишнего, чтобы заставить их беспокоиться».

Чжан Сяоху вздохнул и сказал: «Правильно, я тоже так чувствую. Однако мы должны хотя бы сообщить им, что мы в безопасности. Если нет, отец и мать будут бесконечно беспокоиться дома».

Ли Цзиньфэн сморщил лоб и сказал: «Брат Чжан может найти кого-то, кого он знает, чтобы донести сообщение до вашего дома, не так ли?»

Чжан Сяоху горько улыбнулся и сказал: «Мы, братья, пришли сюда сами, у нас нет друзей или родственников в городе Пинъян, так как мы можем найти кого-то, кто отправит сообщение?»

Ли Цзиньфэн улыбнулся и сказал: «Разве брат Чжан забыл, что у вас все еще есть этот друг, который из той же деревни?»

Чжан Сяоху ответил: «Я знаю, что джентльмен Ли из города Лу, но разве ты не занимался учебой в школе? Я вспомнил, что джентльмен один в своем собственном мире, так, где вы найдете время, чтобы помочь нам отправить сообщение?»

Ли Цзиньфэн кивнул и сказал: «Вы правы, но наша школа имеет отпуск в осенне-зимний период, и хотя это недолго, все еще достаточно времени, чтобы вернуться домой на некоторое время. В течение этой осени я учился в школе, обучая Чжана Сяохуа читать, поэтому я не вернулся в город Лу, но через короткий срок я смогу передать сообщение своим семьям».

Чжан Сяохуа и Чжан Сяоху сразу сказали в унисон: «Действительно, джентльмен Ли, это было бы здорово».

Ли Цзиньфэн махнул рукой и сказал: «Вы не должны быть настолько любезны ко мне, мы все товарищи из того же места, чтобы мы помогали друг другу, когда могли. Я только что-то делаю из-за удобства, зачем мне так благодарить меня?»

Через какое-то время троица добралась до задней двери, и охранник, который находился там, подтвердил их жетоны с талией, когда Чжан Сяохуа заполнил регистрационную книгу, прежде чем позволить Чжану Сяохуу и Ли Цзиньфэну уйти.

Когда трое стояли за дверью, Чжан Сяохуа снова посмотрел на своего младшего брата, а тот крепко схватил его за рукава, не намереваясь отпустить его. Несмотря на то, что двое не жили слишком далеко друг от друга, в следующий раз, когда они будут встречаться снова, может быть пройдет больше месяца, поэтому было неизбежно, что оба не хотели расставаться. Однако Ли Цзиньфэн был менее эмоциональным, и он сказал: «Вы оба братья все еще будете жить в городе Пинъян вместе. Если Чжан Сяоху слишком занят, практикуя свои боевые искусства, то я буду чаще ходить к вам, чтобы восполнить его отсутствие».

Чжан Сяохуа отпустил его хватку и сказал: «Старший брат Ли, вы свободны прийти сами, если мой старший брат будет слишком занят, чтобы посетить. Когда я снова позвоню старшей сестре Цю Тун, я дам ей знать, что вы хотели бы ее увидеть, хорошо?»

Услышав его слова, Ли Цзиньфэн радостно улыбнулся и сказал: «Это слова, которые я люблю слышать, и я прихожу чаще их слышать. Тем не менее, нет необходимости подчеркивать,

насколько я скучаю по ней, просто маленькой подсказки будет достаточно».

Чжан Сяохуа смутился, он спросил: «А? Почему так?»

Ли Цзиньфэн объяснил: «Вы не сможете понять это, так как вы молоды. Подождите, пока вы не станете старше, прежде чем сами поймете это, поэтому просто послушайте мои инструкции».

Чжан Сяохуа понимающе кивнул головой.

Таким образом, Чжан Сяохуа оборачивался через каждые три шага, когда он следовал за Лиом Цзиньфэном и покинул Хуанси горную виллу.

Погода была ясна, когда наступил следующий день Чжан Сяохуа подбежал к своему обычному месту под деревом рано утром.

Его мысли были полны ожиданий по результатам руководства Чжана Сяохуа, он не двигал руками и ногами сразу, но медленно пытался вспомнить последовательность, чтобы выполнить шестой кулак. Как он и ожидал, шесть из десяти кулачных позиций были забыты и отфильтрованы до тех пор, пока не осталось семь позиций.

Чжан Сяохуа выполнил эти семь позиций, пока не был уверен, что они были запечатаны в его памяти, прежде чем остановиться и перейти в позицию лошади. Его разум начал знакомое действие, связанное с попыткой связать позицию вместе, и эта головоломка была похожа на строительные блоки, ему стало легче, когда он приблизился к концу, поскольку сто одна позиция имела только семь областей, где они не соответствовали друг другу, поэтому каждая позиция нужна только для того, чтобы попытаться связаться с этими областями.

Действительно, уровень успеха был высоким, и кулачная позиция сумела идеально связать последовательность с четвертой попыткой, и Чжан Сяохуа полностью интегрировал ее с остальной позицией. Следующие несколько позиций были еще проще, и когда была только одна позиция и одна сломанная связь осталась, волнение Чжана Сяохуа стало еще более бурным, он был немного обеспокоен тем, что части не будут связаны друг с другом.

На этот раз небеса были добры к Чжану Сяохуа, и, в конце концов, он не был разочарован, позиция полностью вписалась в боевое искусство. В этот момент незавершенное кулачное боевое искусство было завершено, и оно перетекало к его разуму как водопад, а маленькая фигура Чжана Сяохуа выполняла безымянное кулачное боевое искусство от начала до конца.

Наблюдая, как маленькая фигура практиковала боевое искусство на несколько циклов, Чжан Сяохуа также почувствовал себя мотивированным, и он последовал его мыслям и вошел в лес, чтобы выполнить кулачное боевое искусство.

В этом кулачном боевом искусстве насчитывалось в общей сложности сто восемь позиций, и хотя это было впервые Чжан Сяохуа, занимаясь этим боевым искусством уже делал это положение много раз в прошлом, так что кроме недавно добавленных семи позиций, все остальные позиции прошли через множество часов практики. Теперь, когда Чжан Сяохуа объединил их вместе, он чувствовал себя чрезвычайно гладко, выполняя боевое искусство от начала до конца.

После того, как Чжан Сяохуа закончил свой первый цикл, он все еще не мог преодолеть свое волнение и продолжал еще три цикла, прежде чем отложить свою позицию.

Чжан Сяохуа в тот момент чувствовал себя несравненно легким и комфортным, его настроение никогда не было лучше, как будто он был драконом, который только что освободился от

золотого замка. Бремя, которое надвигалось на его сердце, было отброшено в сторону, и он смог практиковать полный набор кулачных боевых искусств, как и другой обычный человек.

В настоящее время перед Чжаном Сяохуаом вырисовывается блестящий путь.

На оставшуюся часть дня Чжан Сяохуа задумался об этом ста восьмимерном боевом искусстве, когда он работал на полях, он изучал каждую позицию как можно ближе. Он

помнил, что его старший брат когда-либо говорил, что каждое кулачное боевое искусство имеет свою оборонительную и нападающую позицию, чтобы быть совершенным, так как же это кулачное боевое искусство, которое он «забыл»?

После того как Чжан Сяохуа внимательно изучил боевое искусство, он понял, что есть только тридцать шесть позиций, которые были оборонительными, остальные семьдесят два были наступательными маневрами. Чжан Сяохуа не мог не удивиться, эти семьдесят две позиции были беспощадны на земле. Старость и свирепость были сутью его преступления, но небо и земля были гармоничными, так что тридцать шесть оборонительных позиций были крепкими, как земля. Чжан Сяохуа вспомнил несколько предложений из прочитанных книг, в его сердце возникло подозрение, и он хотел знать, правильна ли его линия мыслей.

Ночью навес лесного массива выглядел темным, как чернила, и ночью не было луны, несмотря на многочисленные звезды.

Чжан Сяохуа практиковал свое кулачное боевое искусство только в пространстве леса, его тело ощущалось в отличие от него как никогда, и он продолжал свою практику с шестнадцатью вариантами боевого искусства меча, прежде чем садиться на отдых. Дождь с предыдущего дня сделал землю немного грязной, и солнце еще не смогло высушить землю.

Чжан Сяохуа вытащил стебель травы и зажал его во рту, его тело опиралось на дерево, когда он думал об этом вопросе: «У всех этих общих кулачных боевых искусств есть свои имена, такие как Рохана кулак, южный кулак, и Эрлан кулак, так какое имя он должен дать своему боевому искусству? Сяохуа кулак? Это неприятно, это звучит слишком слабо, лоскутный кулак? Это звучит некрасиво, что мне делать?»

Чжан Сяохуа чувствовал себя немного расстроенным, когда он положил руки ему на затылок и прилег на слегка влажную траву,

Его глаза поднялись на успокаивающее ночное небо и бесчисленные звезды, которые были далеко вдали, Чжан Сяохуа почувствовал, что давно не видел таких звезд. В последний раз он смотрел на звезды, это было, когда его бабушка все еще была с ним, и он сопровождал старуху, когда они болтали во дворе в деревне Го.

Когда он подумал о своей бабушке, Чжан Сяохуа почувствовал себя еще больше.

Неужели его бабушка все еще сидит на небесах?

Какая звезда теперь была домом для его бабушки?